

Медицинская трагикомедия (случай А.К. Толстого)

А.К. Толстой обладал ярким талантом комической трансформации культурных, литературных и бытовых явлений. В таком аспекте «медицинская» тема представлена в его письмах к Н.В. Адлербергу. Он широко и эффектно использовал в развитии этой темы приемы гротеска, абсурда и каламбура. По мере того как умножались и усугублялись его болезни, Толстой находил новые способы смягчать свои страдания смехом в литературе и в жизни. В 1863 г. у него начались приступы астмы, не прекращавшиеся до смерти. Однако он находит силы переносить болезнь с юмором и в письмах изображает себя в таких тяжелых состояниях в комическом виде. Он вынужден все чаще прибегать к обезболивающим средствам, в том числе к морфину, но не придает серьезного значения своей зависимости от него. С острым, но добродушным юмором рисует он фигуру своего лечащего врача А.И. Кривского в «Медицинских стихотворениях». В юмористических стихотворных и эпистолярных текстах поэта описаны также случаи девиантного и патологического эротизма.

Ключевые слова: А.К. Толстой, медицинская тема в жизни и литературе, трагикомедия.

A.K. Tolstoy had a bright talent for comic transformation of cultural, literary and everyday phenomena. In this aspect, the “medical” topic is presented in his letters to N.V. Adlerberg. He widely and effectively used grotesque, absurd and pun techniques in the development of this topic. As his illnesses multiplied and worsened, Tolstoy found new ways to mitigate his suffering with laughter in literature and in life. In 1863, asthma attacks began, which did not stop until death. However, he finds the strength to endure the disease with humor and in letters portrays himself in such severe conditions in a comic way. He is forced to increasingly resort to painkillers, including morphine, but does not attach serious importance to his dependence on it. With a sharp but good-natured humor, he draws the figure of his attending physician A.I. Krivsky in “Medical Poems”. The poet’s humorous poetic and epistolary texts also describe cases of deviant and pathological eroticism.

Keywords: A.K. Tolstoy, medical theme in life and literature, tragicomedy.

В молодости Алексей Константинович Толстой был среди русских писателей XIX в., пожалуй, самым здоровым человеком. При нежном облике с девическим румянцем на щеках (таков он на портрете К. Брюллова 1836 г.) Толстой отличался высоким ростом, могучим телосложением, обладал огромной физической силой: завязывал в узел каминную кочергу, сгибал пятаки, а на медвежьих охотах нередко выходил с ножом один на один со зверем.

В 1837–1838 гг. в преизбытке здоровья он в письмах к петербургскому приятелю Николаю Владимировичу Адлербергу играет с медицинскими мотивами, сочиняя абсурдистское послание якобы к матери [Т. 2. С. 282]¹ с просьбой для улучшения своего состояния и дел немедленно прислать ему Созонова <созонтова> порошка. Толстой создает комический эффект, описывая нелепый его состав — смесь двух веществ, сильно действующих в разных направлениях: Лусородиум (народное название — волконог), применявшийся для лечения лишаев, опухолей, заболеваний органов пищеварения и дыхания, и *Cicuta alba* (разновидность *Cicuta virosa* — веха ядовитого; настойку из его корней использовали в микроскопических дозах при лечении заболеваний внутренних органов) с сильным отравляющим действием. По поводу первого нужно заметить, что Толстой упоминанием его невольно предсказал, увы, будущие свои болезни: опоясывающий лишай (*Herpes zoster*), астму, катар желудка. Указание на второе вещество, цикуту (которой был умерщвлен Сократ), предвестило регулярное впрыскивание весьма токсичного в конечном действии препарата — морфина (после изобретения инъекционной иглы в 1853 г.). Возможно, что на морфин как на болеутоляющее средство указали Толстому или жена, или И.С. Тургенев, что и погубило Толстого. Но не только ради ослабления болей, от которых он очень страдал, использовал Толстой морфин. В письме к княгине К. Сайн-Витгенштейн от 7 (11) мая 1853 г.

¹ Здесь и далее указаны ссылки на издание: Толстой А.К. Полное собрание сочинений и письма: в 5 т. / гл. ред. В.А. Котельников. М.: Изд-во «Фонд “Классика”», 2017.
Tolstoy A.K. Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma: v 5 t. / gl. red. V.A. Kotelnikov. Moscow: Izd-vo “Fond ‘Klassika’”, 2017.

он уверял, что не злоупотребляет морфином и продолжает уменьшать дозы, однако замечал, что ему важно и другое действие лекарства: «Его дозы оживляют мои умственные силы, и если б они все это делали даже (но этого нет!) в ущерб моему здоровью, — к черту здоровье, лишь бы существовало искусство, потому что нет другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кроме искусства!» [Т. 5. С. 535; подлинник по-французски]. Нет сомнений, что Толстой в конце концов стал морфинистом.

Первый удар по его здоровью был нанесен в феврале 1856 г., когда он вместе со своим Стрелковым охотничьим полком находился в Одессе. Вспыхнула эпидемия тифа. Толстой помогал лечить заболевших офицеров; ухаживая за ними, заразился сам. Состояние было настолько тяжелым, что близко знающий его с детских лет Александр II велел ежедневно докладывать ему о ходе болезни. Сильный организм в этот раз одолел недуг, крымское путешествие с С.А. Миллер довершило выздоровление.

Какие-то болезни стали проявляться уже с конца 1850-х гг.; об одной из них Толстой (не называя ее) сообщает в письме к князю В.Ф. Одоевскому 10 мая 1859 г., объясняя невозможность приехать к нему тем, что все еще болен и «принужден лечь в постель» [Там же. С. 109]. В январе 1862 г. ввиду нездоровья, обнаружившегося после чтения «Князя Серебряного» у императрицы, ему пришлось отказаться от ее приглашения на бал; в феврале он снова чем-то болеет в своем поместье в Пустыньке. И с 1863 г. начинаются ежегодные поездки на немецкие курорты — Шлангенбад, Карлсбад и др., обращения к врачам в Дрездене для лечения, все менее и менее эффективного. Судя по письму к С.А. Толстой от 10 (22) июня 1863 г. [Там же. С. 169], у Толстого началась астма, которая неуклонно прогрессировала.

Однако и страданиям от нее Толстой подчас придавал утрированно комический вид. Как он себя вел во время очередного приступа, он рассказывал в письме к Маркевичу от 9 мая 1871 г.:

Я не пожелаю самому большому подлецу из моих знакомых получить то, что я имел в Одессе, именно: кашлять, не имея [зач. avoir] сил откашляться, и значит [зач. de me sentir étouffer], задыхаться в течение 15 дней по меньшей мере. Собачья болезнь, вот так! Я не мог дышать иначе как стоя на 4 лапах и в таком положении я пропел к ужасу присутствующих «О Матильда, идол души моей!», потому что я шутник по натуре вопреки всему. Не скрою от Вас, что я думал, будто легко могу умереть (так думали и врачи), но мне это было вполне безразлично; было жаль лишь того, что не завершу «Посадника». Вообще же мне кажется, что я не должен умереть, пока не напишу что-нибудь хорошее, очень хорошее, а после, как сказал польский священник Дююи: да свершится воля Ваша! [Там же. С. 426–427; подлинник по-французски].

В той же манере тому же адресату, каламбурно обыгрывая два значения французского слова *solitaire*: ленточный червь солитёр, паразитирующий в органах животных и человека, и «одионый», — Толстой описывает 21 декабря 1871 г. (2 января 1872 г.) болезненное состояние желудка:

Его ложусь, выпив стакан портвейна, чтобы предотвратить боли, которые иначе отравили бы лунный свет и желудок. Кстати, об этих болях, у меня появилась мысль, что это может быть солитёр и что у меня есть готовое лекарство: проглотить еще одного червя, чтобы он больше не был солитёром. Но это мне противно. К тому же доктор Beschofner дал мне честное мещанское слово, что не в этом дело. Итак, это что-то другое, разумеется. Тысяча чертей, что же это такое? [Там же. С. 467; подлинник по-французски].

Продолжая в юмористической манере рассказывать Софье Андреевне об астме 30 апреля (11 мая) 1873 г., он несколько неожиданно заключает веселый пассаж редко возникавшим у него религиозным мотивом:

К семи часам утра астма стала проходить, и я от счастья начал плясать по комнате, и мне пришло в голову, что Господь Бог должен ощущать удовольствие, избавляя меня от астмы, раз я Его так живописно благодарю. В сущности, я уверен, что Он никогда бы ее не послал, если бы это от Него зависело; но это должно быть по следствию необходимого порядка вещей, в котором первый "Urheber" <зачинщик, нем.> — это я сам, и, может быть, чтоб избавить меня от астмы, пришлось бы заставить страдать пропасть людей менее грешных, чем я. Итак, раз вещь существует, она должна существовать, и никогда ничто не заставит меня роптать на Бога, в Которого я верую всецело и безгранично [Там же. С. 495].

Бывали и периоды улучшения. Осенью 1874 г. по совету врача из Стародуба Корженевского Толстой стал принимать соль лития, что на время избавило его от сильных головных болей; остались только боли в спине и одышка. И по этому поводу он с радостью сообщал Е.А. и А.М. Жемчужниковым 19 (31) октября 1874 г., что теперь может «безнаказанно выдуть две целые бутылки шампанского в один день» [Там же. С. 518].

Усугубляющаяся болезнь все-таки вынудила Толстого пригласить в свое имение Красный Рог домашнего врача, которым стал Александр Иванович Кривский, находившийся там в 1868-м — 1870-х гг. Он действительно отчасти облегчал страдания больного, в благодарность за что был сделан героем цикла гротескно-комических так называемых «Медицинских стихотворений» поэта.

Первое в цикле повествует о том, как

Доктор божией коровке	Веря докторской сноровке,
Назначает randevу.	Затесалась в траву
Штуки столь не видел ловкой	К ночи божья коровка.
С той поры, как я живу,	И, припасши булаву,
Ни во сне, ни наяву.	Врач пришел на randevу [Т. 2. С. 59].

Но «за свою страшась честь», божья коровка взывает к святителю Николаю, и свидание завершается позорным бегством героя. В другом стихотворении доктор принялся за музыку:

В берестовой сидя будочке,	Он мечтал об операциях,
Ногу на ногу скрестив,	О бинтах, о ремене,
Врач наигрывал на дудочке	О Венере и о грациях...
Бессознательный мотив.	Птицы пели в вышине [Там же. С. 61].

Идиллическую картину нарушает суровая критика «завистливого скворца»:

Песни есть и мелодичнее,
Да и дудочка слаба, —
И врачу была б приличнее
Оловянная труба! [Там же. С. 62].

Оловянная труба — т.е. клистирная трубка для промывания кишечника, к которой Кривскому приходилось прибегать при лечении Толстого.

В прочих стихотворениях рассказывается о том, как шпанская муха жестоко отомстила покушавшемуся на нее доктору, как навозный жук тоже мстил врачу за родственницу Адольфину (*Lamprima Adolphinae* — жук из семейства рогачей), погубленную каломельными пилюлями — слабительным средством. В письме к Маркевичу от 15 апреля 1869 г. Толстой именует врача Кривского «кровосмесительным любовником шпанских мух и всяких жесткокрылых» [Т. 5. С. 332]. Это летучие намеки на зоофилию, к которой писатель, видимо, испытывал интерес и которая у него была связана с образом быка.

Как мотив собственной интимной сферы он присутствует, например, в письме к Маркевичу от 7 февраля 1869 г.: «Вы говорите, что она телка, — ах, если бы мне быть быком! Но тсс! Не будем предаваться той откровенности, из-за которой я не мог показать жене некоторых из Ваших писем» [Там же. С. 318]. Этот мотив находим также в гротескно-комических стихотворениях «Весенние чувства необузданного древнего» (1859), «Рука Алкида тяжела...» (1869). В последнем фигурирует персонаж древнегреческого мифа Пасифая — жена критского царя Миноса, который нарушил обещание принести в жертву Посейдону прекрасного быка, и морской бог, мстя за это, внушил Пасифае неудержимое влечение к быку, от которого ею был рожден Минотавр. Здесь появляется еще одна тема девиантного эротизма — в истории афинских юношей Аристокитона и Гармония,

связанных любовными отношениями, — и упоминается Платон; согласно его учению об эроте, всякое истинно любовное влечение вдохновляется богом, в том числе и влечение мужчины к мужчине.

Есть основания предполагать, что подобное влечение связывало Толстого с двоюродным братом Алексеем Жемчужниковым, в письмах к которому есть указывающие на это в своей совокупности комические обращения («Присносуший, двуутробный и брюховещательный Алексис», «Сладострастный друг Алексис») и завершающие строки: «Целую тебя в самый центр», «Подымаю обе ноги и обвиваю их вокруг твоей шеи» (письма от 9 (21) июня 1868 г.; 17 (29) ноября 1871 г.; 27 октября (8 ноября) 1874 г.) [Там же. С. 281, 456, 519].

Тема подробно развивается в письме к Маркевичу от 17 (29) ноября 1871 г. [Там же. С. 454]. Используя излюбленный прием обыгрывания французских слов и комические уподобления, Толстой в крайне грубых описаниях доходит до таких физиологических подробностей, что воздержимся от цитирования этого текста. Остальные тексты позволим себе цитировать, поскольку они были читаны в кружке императрицы Марии Александровны и никого там не смущали.

Прямо высказывался на такие темы Толстой только в письмах к Маркевичу, где он чувствовал себя совершенно свободным от ограничений морального и этикетного порядка, имел полное доверие к адресату, мог признаваться в своих грехах и слабостях. Он всегда рассчитывал на понимание и отклик со стороны Маркевича, поскольку оба в подобных темах ощущали определенную близость, и Толстой, играя, называл адресата в письме от 6 марта 1867 г. то гермафродитом, то Приапом [Там же. С. 230; подлинник по-французски]. Этими названиями маркирован у Толстого мотив фаллопатии. В письме от 8 (20) декабря 1871 г. он излагает свой медицинский случай, причем пишет об этом на латыни, правда, с юмористическим использованием иноязычных и иностилевых форм и лексических элементов [Там же. С. 461]. Случай этот — ситуативная эректильная дисфункция невротического генеза, и он спрашивает, знакомо ли такое состояние Маркевичу.

В несомненной связи с упомянутым мотивом находится и мотив кастрации, получивший поэтическое воплощение в юмористическом стихотворении «Бунт в Ватикане» (1864), которое, по воспоминаниям Л. Брик, очень любил Маяковский.

Взбунтовались кастраты,
Входят в Папины палаты:
«Отчего мы не женаты?
Чем мы виноваты?»

Те ему: «Тебе-то ладно,
Ты живешь себе прохладно,
А вот нам так безотраднo,
Очень уж досадно!

Говорит им Папа строго:
«Это что за синагога?
Не боитесь вы Бога?
Прочь, долой с порога!»

Ты, вишь, действуешь по воле,
Чай, натер себе мозоли,
А скажи-ка: таково ли
В нашей горькой доле?» [Т. 2. С. 41].

На что получают ответ:

«Эх, нелегкая пристала! —
Молвил Папа с пьедестала, —
Уж коль с воза что упало,
Так пиши: пропало!

Эта вещь, — прибавил Папа, —
Пропади хоть у Приапа,
Нет на это Эскулапа,
Эта вещь — не шляпа!» [Там же. С. 42].

Толстой не остановился на этом и продолжил развивать мотив в направлении патологического эскигибиционизма в «Оде на поимку Таирова» (1871). Жители столицы рассказывают:

Близ лавок и трактиров,
Скрываясь там и сям,
Не раз злодей Таиров
Пугал собою дам.

С осанкой благородной,
Бродя средь наших стен,
Таиров детородный
Показывал нам член! [Там же. С. 74].

Вероятно, скабресный сюжет взят из петербургской газетной хроники, хотя источник установить не удалось. Толстой намеревался создать ироикокомическую инсценировку указанного мотива со всеми подробностями поведения одержимого манией персонажа.

«Скажите, вы ль тот дерзкий, —
 Все вместе вопиют, —
 Который дамам мерзкий
 Показывает уд?»
 «Одержим я истомой, —
 Таиров им в ответ, —
 И уд хоть налицо мой,
 Но все равно что нет!

Да знает ваша шайка,
 Что в нем едва вершок,
 А сверх него фуфайка
 И носовой платок!» [Там же. С. 76].

В финале звучит торжествующий хор:

Таирова поймали!
 Отечество, ликуй!
 Конец твоей печали —
 Ему отрежут нос! [Там же. С. 77].

За семь месяцев до смерти Толстой пережил еще одно болезненное состояние, в котором был момент транса; оно встревожило Толстого, но все равно по завершении его он вновь пришел в веселое настроение. Об этом происшествии он подробно рассказал своей близкой приятельнице княгине К. Сайн-Витгенштейн 5 (17) февраля 1875 г.:

Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу Вам рассказать: во время моей большой болезни в деревне, так как я не мог ни лечь, ни спать сидя, я как-то ночью принялся писать маленькое стихотворение, которое мне пришло в голову. Я уже написал почти страницу, когда вдруг мои мысли смутились, и я потерял сознание.

Пришедши в себя, я хотел прочесть то, что я написал; бумага лежала передо мной, карандаш тоже, ничего в обстановке, окружающей меня, не изменилось, — а вместе с тем я не узнал ни одного слова в моем стихотворении. Я начал искать, переворачивать все мои бумаги и не находил моего стихотворения. Пришлось признаться, что писал *бессознательно*, а вместе с тем мною овладела какая-то мучительная боль, которая состояла в том, что я непременно хотел вспомнить что-то, хотел удержать какую-то убегающую от меня мысль.

Это мучительное состояние становилось так сильно, что я пошел будить мою жену; она, со своей стороны, велела разбудить доктора, который велел мне сейчас же положить льду на голову и горчичники к ногам, — тогда равновесие установилось. Стихотворение, которое я написал совершенно бессознательно (*nicht unverschämt, sondern unbereut*), недурно и напечатано в январской книжке этого года «Вестника Европы». Оно начинается следующими словами:

Прозрачных облаков спокойное движенье...

Во всяком случае, это — явление патологическое, довольно странное. Три раза в моей жизни я пережил это чувство — хотел уловить какое-то неуловимое воспоминание — но я не желал <бы> еще раз пройти через это, так как это чувство очень тяжелое и даже страшное. В том, что я написал, есть какого-то рода предчувствие близкой смерти. Но, как видите, это не сбылось, что доказывает еще раз, что нельзя верить предчувствиям. Я далеко от всяких мрачных мыслей, и мне хочется петь тра-ла-ла!.. [Т. 5. С. 528–529; подлинник по-французски].

Под утро 28 сентября 1875 г. Толстой ввел себе слишком большую дозу морфина, что послужило причиной смерти.

Такова болезненная, не выступающая на первый план сторона жизни и творчества Толстого, которая, разумеется, ничуть не умаляет нравственной и эстетической высоты его лучших произведений.

Котельников Владимир Алексеевич,
 доктор филологических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Kotel'nikov Vladimir A.,
 Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher
 Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the
 Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5135-6782
 e-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

